

"Я помню вкус твоих слез (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Я помню вкус твоих слез

Автор: Лиэлли

Беты (редакторы): MariSie

Жанры: Слэш (яой), Ангст, Флафф, Драма, Фэнтези

Описание:

Сотни лет назад светлоэльфийское и темноэльфийское княжество заключили союз, закрепив его браком между своими наследниками. Так родилась легенда о трагичной любви, которая, к сожалению, имеет печальный конец. Все рождается и умирает — это круговорот жизни. Но на сей раз он стал проклятием для двух любящих сердец.

Его память — это его проклятье. И они вынуждены вновь и вновь находить друг друга лишь для того, чтобы разлучиться.

Цикл "СКАЗКИ НА НОЧЬ"

Ранним утром по лесной тропе шел путник. Птицы еще только просыпались, неуверенно подавая свои голоса, первые солнечные лучи робко пробивались сквозь густую листву многовековых могучих дубов, где-то верещала белка, а путник был бодр и весел.

Он шел легкой пружинистой походкой человека, у которого нет забот, и напевал себе под нос незамысловатый мотивчик, ведя в поводу норовистого и горячего жеребца. Это был молодой мужчина привлекательной наружности, одетый в простые черные штаны, белую рубаху, которую раздувал утренний ветерок, кожаную куртку поверх и высокие черные сапоги до колен. За плечами у него висела дорожная сумка, а на поясе — ножны с мечом.

Он насвистывал приятную мелодию, изредка посматривая по сторонам, и внешне мог показаться совершенно расслабленным. Однако любой опытный вояка наверняка сразу бы понял, что беспечность эта очень обманчива.

Десяток разбойников, что промышляли в здешнем лесу, напали на мирного путника совершенно неожиданно, но все же не смогли застать его врасплох. В то же мгновение выхватил он из ножен свой меч, как только увидел выскочивших из-за деревьев грабителей. Некоторые из них спустились прямо с деревьев на толстых древесных лианах с криками и устрашающим ревом, надеясь парализовать свою жертву страхом. Однако жертва оказалась далеко не беспомощная.

Мужчина мгновенно занял боевую и более выгодную для себя позицию, отступив спиной к дереву. Его конь, видимо, тоже был обученным, потому что даже не подумал испуганно взвиться на дыбы и броситься бежать в лесную чащу, не испугался неожиданного шума,

который подняли так внезапно появившиеся люди.

Он отступил вместе с хозяином к обочине тропинки, недовольно фыркая и предупреждающе ударяя острыми копытами по земле. Умная животина прикрывала хозяина с правого боку, вращая глазами и изредка издавая недовольное ржание.

Мужчина сделал мечом несколько восьмерок и выставил его перед собой, ухватив обеими руками. Он настороженно посматривал вокруг себя, наблюдая за окружившими его ухмыляющимися разбойниками. Среди них были и здоровенные детины — настоящие сорвиголовы, — и щуплые на вид, словно крысы, довольно неприятной наружности люди.

— Что вам надо? — еще достаточно дружелюбно спросил путник. — Отпустите меня с миром, и я оставлю вам жизни.

— Ты глянь-ка, Даят, да он, никак, совсем страх потерял! — удивленно присвистнул один из громил.

— Ничего, сейчас мы с него всю спесь-то и собьем, — оскалился другой, нехорошо глядя на путника и поигрывая острым кинжалом.

Мужчина вздохнул, взмахнул мечом и без предупреждения бросился на этого самого разбойника, вышибая из него воздух одним точным ударом рукоятки своего меча в солнечное сплетение. Тот даже понять ничего не успел, как повалился на землю, задыхаясь и хрипя.

Это послужило сигналом для остальных — и они напали на него всем скопом. Однако мужчина, в чьей уверенной руке, державшей меч, чувствовалась военная закалка, довольно легко справлялся с ними, блокируя их удары и уворачиваясь от чужих атак — по крайней мере первые десять-пятнадцать минут.

Но спустя это время он начал уставать: десять человек на одного-единственного — весьма прискорбное зрелище, исход был ясен еще в самом начале.

Каким бы сильным, ловким, быстрым и искусным ни был путник — ему не одолеть десятерых противников. Он начал задыхаться, делать ошибки, оступаться, а в конце концов оказался ранен. Тем более что его враги вовсе не гнушались пользоваться подлыми приемчиками. Последняя рана была почти смертельной — мужчину ранили в бок зазубренным лезвием, еще и провернув его в ране.

Он упал возле дерева, истекая кровью, но даже тогда не потерял сознание. Однако все померкло перед его глазами, когда тяжелая дубина опустилась на голову.

Очнулся мужчина уже поздно вечером, как раз тогда, когда солнце медленно и величаво опускалось за линию горизонта, а свежий ветерок без устали проносился среди крон вековых

дубов, уже в который раз за сегодня облетая свои владения. Бок невыносимо пекло, и любое движение причиняло ужасную боль. Дышать становилось тяжелее с каждой минутой, воздух с хрипом вырывался из легких. Он приподнял голову и попытался оглядеться — рядом не было никого. Кинжал, чья рукоять была инкрустирована драгоценными камнями, добротный меч, выкованный на заказ, кожаная куртка и даже сапоги, в которых этот самый кинжал и был спрятан, а еще, конечно, дорожная сумка — все было украдено. Видимо, грабители не посчитали нужным убить его. Но конь, как ни странно, был на месте.

Ворон — так звали черного, как сама ночь, жеребца, спокойно стоял рядом, а как только хозяин очнулся, тут же подошел и принялся вылизывать его лицо, стараясь привести в чувство.

Мужчина поморщился и, преодолевая боль, ухватился за шелковистую гриву своего коня, который, будучи животной умной и хорошо обученной, улегся так, чтобы его хозяину было легче на него взобраться. Седельные сумки на нем отсутствовали — видимо, разбойникам все же удалось сорвать их с него.

С трудом, но путник смог взобраться на спину жеребца, и тот, поднявшись на ноги, направился по тропинке вперед. Он шел не спеша, чтобы не уронить свою бесчувственную ношу, едва державшуюся в седле.

Хозяин Ворона полулежал на нем, уложив голову на его длинную шею, и совсем не держался — руки беспомощно болтались на уровне поводьев, которые просто висели.

Так конь шел довольно долго, но умное животное, почувствовав живительную влагу озера, что находилось где-то рядом, целенаправленно свернуло с лесной тропинки и двинулось к воде.

Подойдя к самой кромке озера, жеребец улегся на траву, позволяя безвольному телу своего хозяина сползти с его спины. Когда рука человека упала в воду, он удивленно моргнул и с трудом приподнял отяжелевшие веки. В голове звенело, боль превратилась в пульсирующий комок в боку, и он почти физически ощущал, как какие-то тонкие огненные ниточки распространяются по всему его телу, заставляя его слабеть все больше с каждой уходящей в никуда минутой. Он тихо застонал, но тут же сомкнул губы и попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, куда его принес конь. С трудом, преодолевая слабость во всем теле, мужчина попытался придвинуться к самой кромке воды, чтобы напиться — во рту было так сухо, словно он побывал в пустыне.

Приподнявшись на локтях, он смог сделать несколько глотков, прежде чем силы окончательно оставили его. Тяжело рухнув на траву, мужчина попытался отдышаться. Голова кружилась. Он прикрыл глаза, уговаривая себя не засыпать, потому что понимал, что не сможет больше открыть глаз.

И сила воли не оставила его — через несколько минут он сумел поднять внезапно налившиеся свинцовой тяжестью веки и взглянуть вверх.

Над ним мерцало невероятно чистое ночное полотно. По синему бархату небес,

расстилавшемся во все стороны, куда ни кинь взгляд, рассыпались огромные, чистые и сияющие алмазы — звезды. Большие и маленькие, они образовывали причудливые рисунки — созвездия.

Нигде и никогда Айрен не видел таких чудесных звезд — казалось, стоит лишь протянуть руку, чтобы сорвать с неба одну из них. Только здесь, над Файалийскими лесами, да еще, говорят, над Амарантом и Алиэмри, они сияли так ярко и так прекрасно.

И он подумал, что, пожалуй, умереть вот так, здесь, посреди всей этой красоты, было не так уж и плохо.

Черные ветви деревьев в обрамлении пышной изумрудной листвы склонялись над ним низко-низко, шепча тихие сказки, а ночной ветер вторил им, шелестя листьями и озорно колыша сапфировую гладь лесного озера. Здесь было тихо и спокойно...

Пока неожиданный плеск не нарушил эту волнительную, сказочную тишину. Айрену подумалось, что, возможно, это рыбка выпрыгнула из воды. Ворон вскинул голову и настороженно запрядал ушами. Хозяин его не видел, как к берегу, на котором он лежал, с другой стороны озера плыло совершенно бесшумно странное, неземной красоты создание. Вода словно поддерживала его тело, и он даже не рассекал руками тихую озерную гладь, подернутую легкой рябью от ночного ветерка. Но тем не менее все равно приближался к берегу. По воде за ним стлались, словно водоросли, серебристые длинные волосы. Лунное сияние играло на них ослепительными бликами, казалось, что они светятся в воде.

Ворон нервно всхрипнул, когда удивительное создание вышло на берег в нескольких шагах от них. Хозяин не шевелился — он уже не мог открыть глаза, потому что слишком ослаб. Изумрудная трава под ним окрасилась в красный цвет.

Эльф — а это, без сомнения, был самый настоящий файалийский эльф, о которых слагали легенды в местном провинциальном королевстве, куда и направлялся путник — выпрямился, выжимая из своих чудесных волос воду, и тихо выдохнул. Он был без одежды, но мгновенно высохшие волосы укрыли белоснежное тело серебряным плащом. Молочная кожа словно бы сияла изнутри.

Лесной хранитель приблизился к жеребцу, нервно прядавшему ушами. Ворон поднялся на ноги, храпя и фыркая, и заслонил своего хозяина от неведомой опасности. Но неземное создание подняло руки, когда он поднялся на дыбы, и успокаивающе зашептало слова на древнем наречии файалийских эльфов.

И вскоре норовистый боевой конь уже настолько успокоился, что опустил на передние копыта и даже позволил эльфу погладить его по морде. Только нервно раздувал ноздри, кося на него огромными черными глазами.

— Я хочу помочь твоему хозяину, — мелодичным голосом произнес эльф. — Тише, тише, своенравное создание, я не причиню ему вреда. Дай же мне осмотреть его рану.

И строптивый Ворон, никогда не предававший своего хозяина, без возражений отступил. Тогда эльф грациозно опустился на колени перед лежащим без сознания мужчиной и ласково провел ладонью по густым черным волосам. Он осторожно расстегнул его рубашку и попытался распахнуть ее, но ткань прилипла к ране. Пришлось эльфу, сложив ладони лодочкой и зачерпнув воды, смочить ее, чтобы отделить от раны. Когда ему это удалось, остроухий лесной житель наклонился и пошептал на рану, чтобы ее края стянулись. Целебная магия его голоса и сила древних слов лесного народа должны были сделать свое дело, но... рана отчего-то не хотела затягиваться.

Это озадачило эльфа, и он накрыл рану ладонью, опуская бледные веки. Ему нужно было узнать, почему рана не желала заживать, ведь лесным хранителям было под силу лечить самые тяжелые ранения.

Он нахмурился.

— Плохая рана, — пробормотал эльф. — Ядовитая.

Клинок, которым ранили Айрена, был действительно отравлен соком ядовитого растения. И яду понадобится день или несколько часов, чтобы окончательно умертвить организм, это зависело от того, насколько крепок его обладатель.

Он почувствовал десятки тонких огненных нитей, что словно гадкие змеи, расползались от раны, чьи края уже начали гноиться, в разные стороны, впиваясь в тело человека, проникая в его кровь, отравляя ее и оплетая сердце.

«Ему недолго осталось», — с грустью подумалось эльфу. И спасти его от такой раны даже ему, лесному хранителю, вряд ли бы удалось.

Он склонился над человеком, разглядывая правильные, благородные черты его лица, и осторожно отвел со лба смольные, чуть волнистые пряди. Человек был необычайно красив мужественной и благородной красотой. Слегка тронутая загаром золотистая кожа, густые брови вразлет, прямой нос с едва заметной горбинкой, высокие, но не острые скулы, сурово поджатые в беспамятстве губы — словно он боялся выдать что-то важное. И даже сейчас человек мрачно хмурился.

Эльф с детским любопытством протянул руку и осторожно попытался разглядить большим пальцем хмурую складку между бровями. И человек действительно перестал хмуриться, почувствовав прохладное прикосновение, на несколько мгновений принесшее ему облегчение и отогнавшее жар лихорадки, что возникла из-за присутствия яда в его теле.

— Альмандиль... — прошептал он в забытии. — Аль...

Эльф замер, пораженный, даже забыл, как дышать.

Внимательнее взгляделся в лицо смертного, словно надеясь узнать в его чертах что-то знакомое. И он действительно узнал, невесомо проводя кончиками пальцев вдоль его скулы и неслышно шепча имя любимого.

— Я здесь, Шедар??... Снова здесь. Я так ждал, — выдохнул он.

Но человек его не услышал. Глаза его бегали под закрытыми веками, черные ресницы часто-часто трепетали, и он прерывисто шептал имя того, кто приходил к нему во снах вот уже несколько месяцев подряд, не давая покоя.

— Шедар, очнись! — Аметистовые глаза эльфа наполнились слезами. Он еще яростнее зашептал древние слова, напоенные целебной магией леса, но рана оставалась по-прежнему ужасной на вид.

Понимая, что уже не сможет помочь ему, эльф осторожно перетянул голову человека на свои колени. Склонился над ним, роняя беззвучные слезы на его обнаженную грудь и ключицы.

— Аль... Прости меня, Аль... — в забытьи горячо шептал человек, мечась по траве и забыв о проклятой ране.

— Аль... Прости меня, Аль... — горячо зашептал смуглый темный эльф, стараясь поймать в ладони лицо светлого и взглянуть в его чудесные фиалковые глаза. — Мы не должны были... Я не должен...

— Нет, нет, не говори так, возлюбленный мой! — так же горячо зашептал в ответ ему Альмандиль. — Не смей даже думать об этом! Мы должны быть вместе, пусть и совсем немного, пусть Святая Иллиора уготовила нам всего лишь несколько дней, неважно! Я хочу быть с тобой столько, сколько судьба позволит нам!

— Аль, Аль... — Дроу все шептал без устали его имя вновь и вновь и осыпал красивое, сияющее любовью лицо светлого эльфа, обращенное к нему, тысячей горячих поцелуев.

А юный Альмандиль пытался поймать его губы своими, тяжело дыша и испуганно жмурясь. В любой момент их могли поймать, и Шедар чувствовал, что светлый боится, ведь он так дрожал в его объятиях, лънул теснее, словно искал у него защиты. Ведь здесь, в княжестве темных эльфов, где он был совершенно один и находился под покровительством семьи своего старшего супруга, никто не мог защитить его, кроме любовника — младшего брата Харадиэля.

Любовник — какое скупое, скучное и бесцветное слово! Нет, Шедар не был его любовником. Это слово оскверняло их чувства. Он был его возлюбленным — единственным и неповторимым, самым прекрасным и замечательным эльфом, которого он любил всем сердцем. И как жестока судьба, которая сначала расчетливо позволила ему выйти замуж за

старшего принца Лиадары — дроуского темноэльфийского княжества, и только потом, через несколько месяцев, дать понять, какую же ошибку он совершил. Потому что, познакомившись с младшим братом Харада — Шедаром, который вернулся домой из долгой поездки, Альмандиль понял — он его судьба, его счастье, его единственная любовь. Ведь светлые эльфы никогда не ошибаются в таких чувствах. Они всегда знают, когда истинная любовь посетит их сердца.

Украдкой взгляды — нежные и робкие.

Ворованные прикосновения — на одно лишь мгновение, только бы почувствовать прикосновение любимых рук.

Подслушанные вздохи — тихие, печальные, тоскливые.

Добродетельный и целомудренный Альмандиль все еще не подпустил к себе своего законного супруга, стыдливо пряча от него взгляд. И вовсе не потому, что опасался за свою добродетель перед Харадом. Просто чувство вины угнетало его. Он не мог любить Шедара, при этом будучи младшим супругом Харада. И он мучился довольно долгое время, под разными предложениями отказывая последнему, и что самое странное — старший княжич терпел его капризы, спокойно выжидая более подходящего момента и уважая скромность своего младшего супруга.

Но это лишь еще сильнее заставляло Альмандиля чувствовать себя виноватым перед ним. Месяц прошел, прежде чем он согласился на тайную встречу с Шедаром, и влюбленные наконец смогли насладиться минутами уединения.

Юный Альмандиль жил в страхе быть раскрытым своим супругом. Харад не был отталкивающим, жестоким или слишком властным, как многие дроу. Он был довольно чуток и внимателен по отношению к своему младшему супругу, но все же не лежало к нему сердце Альмандиля, за что он и ощущал свою вину.

И каждый раз, встречаясь с Шедаром, он обещал себе, что это будет последняя их встреча, ведь он уже навеки отдан его старшему брату, ничего не изменить — брачный союз был заключен их отцами. Но каждый раз он не мог сопротивляться своему влечению, снова и снова искал встречи с возлюбленным.

Пока однажды неизбежный момент не настал.

Один из слуг заметил их вместе и рассказал об этом Хараду.

— Аль, — снова застонал раненый, с трудом приоткрывая невидящие глаза.

Эльф немедленно наклонился к нему, и несколько его хрустальных слезинок упали на его

щеки, скатываясь вниз. Боль опалила грудь горячей волной, и он задохнулся — глаза человека были теми самыми прекрасными изумрудными глазами его возлюбленного дэру.

— Шедар... — выдохнул он почти беззвучно, не в силах оторвать взгляда от глаз человека.
— Умоляю... Пожалуйста, любовь моя...

Но смертный его не слышал. Он тяжело и хрипло дышал, моля о прощении у Альмандиля, и не осознавал, что его эльф рядом.

— Прости... — хрипло выдохнул человек. — Я не смог... убереечь... Прости...

Голос его становился все тише и слабее, и Альмандиль снова вспомнил ту роковую ночь.

...В огромной бальной зале звенела сталь мечей, что с силой ударялись друг о друга, и этот звук эхом разносился под самыми сводами.

Хрупкий на фоне гигантских мраморных колонн, подпиравших эти своды, светлый эльф тихо всхлипывал, умоляя двух темных прекратить поединок. Но братья не обращали на него внимания, увлеченные друг другом и той яростью, что овладела ими обоими сейчас.

— Маленький гнусный выродок! Предатель! Я проклинаю тот день и час, когда ты появился на свет! — гневно выкрикивал Харад, нападая вновь и вновь в отчаянном и яростном стремлении достать своего младшего брата.

— Дэмиши??, я умоляю! — Сначала Шедар оставался терпелив и пытался воззвать к голосу разума своего брата, но тот оставался глух к его мольбам. — Но послушай же...

Он уворачивался, отскакивал, парировал его удары, ни разу не перейдя в атаку сам, только оборонялся раз за разом, надеясь, что брат одумается.

— Нет, это ты послушай! Я убью тебя за такую коварную измену и развею твой прах по ветру! — с ненавистью зарычал Харад, с лютой яростью нападая на Шедара.

— Прекратите немедленно! Оба! — с отчаянием выкрикнул Альмандиль, тревожно наблюдая за их поединком.

Он боялся за жизнь своего возлюбленного и в то же время испытывал облегчение, что теперь их раскрыли, бояться больше нечего.

— Ты не понимаешь! — так же яростно зарычал Шедар. — Мы любим друг друга! Ты же... ты испытываешь к Альмандилю лишь изменную страсть, и я не позволю тебе...

— Да как ты смеешь! Я его законный супруг! — рявкнул Хадар, делая резкий выпад.

Шедар от него ушел и гневно оскалился.

— Это не дает тебе права обращаться с ним так же, как с одним из твоих слуг! Аль заслужил гораздо большего! Да ты должен на руках его носить за то, что он стал твоим младшим супругом! Ты... — он бросился вперед, стремясь достать брата, но Хадар поставил блок, — обязан целовать землю, по которой он ходил!

Альмандиль заплакал, беспомощно опустившись на холодный пол бальной залы, с тревогой следя за поединком. Он не хотел, чтобы один из братьев пострадал. Чувство вины медленно убивало его, ведь если бы не он, то два брата сейчас не сражались бы на смерть друг с другом.

И наконец его осенило.

Вскочив с пола, он неожиданно бросился прямо между ними, и Шедар, занесший в это время свой клинок, чтобы поразить брата в яростной агонии, вместо своей желанной цели пронзил тело своего обожжаемого эльфа.

В тот же миг вой, полный горечи и отчаяния, сорвался с его губ, и, отбросив свой клинок, он опустился на колени, успев поймать безвольное тело Альмандиля. И понял, что попал точно в сердце.

— Ше... дар, — выдохнул светлый эльф, захлебываясь собственной кровью, и, с трудом подняв руку, попытался дотронуться до красивого смуглого лица своего возлюбленного.

Сгорая от ревности и ненависти, Хадар сильнее сжал рукоять своего клинка. Его младший брат и его младший супруг смотрелись друг с другом слишком гармонично, и не смог он этого вынести, терзаемый низменными чувствами.

— Я проклинаю вас обоих! — выкрикнул он со злобой. — Пусть больше не суждено тебе будет, брат, подняться ввысь на крыльях свободы! И пусть вечность вы будете разлучены и в этой жизни, и в последующих. Пусть лишь на один краткий миг вам будет дано встретиться, но тотчас же расстаться! И лишь тогда вы сможете быть вместе, когда Шедар узнает тебя!

Страшное то было проклятье, брошенное в минуту великого гнева и черной зависти, и сбылось оно в тот же миг.

Светлый эльф успел его услышать, прежде чем скончался на руках своего возлюбленного.

Осторожно опустив на пол его голову, Шедар поднялся, подобрал с пола свой клинок.

Мрачная решимость и глухая тоска переполняли его сердце. Тяжело у него было на душе, желание жить покинуло его.

— Так убей же! — обратился он к своему старшему брату, бросаясь на него с мечом.

И в последний миг намеренно отвел руку, чтобы не ранить брата, но подставиться по удар самому.

С той поры Альмандиль жил под гнетом проклятья своего старшего супруга. Светлые эльфы одарены милостью Святой Иллиоры — они помнят все свои долгие жизни, потому что их не так много. Каждое свое перерождение. Альмандиль родился снова в семье светлых эльфов, его нарекли Лафаэлем — Лунным Светом.

Но теперь дар Иллиоры стал для него проклятьем. Он помнил о своей прежней любви и знал, что эльфы живут невероятно долго. И всегда оставался шанс, что, возможно, его возлюбленный Шедар еще жив. Как только появилась возможность, он попытался узнать о нем хоть что-нибудь, но узнал лишь то, что чуть не убило его вновь: давным-давно уже развеян по ветру прах его возлюбленного.

Лафаэль прожил долгую эльфийскую жизнь, но лишь раз за все века, что он прожил, ему довелось встретить Шедара в облике смертного. Проклятье обрекло его каждый раз рождаться человеком, лишенным чудесной способности летать, как это могли делать друу, которых Мать Природа одарила вторым обликом — хищной птицы. Оно обрезало Шедару его крылья свободы, навеки заточив в смертную плоть.

Но стоило Лафаэлю узнать своего возлюбленного в этой человеческой оболочке, как вновь развела их злодейка-судьба. Человек, в чье тело Иллиора заключила душу его возлюбленного, оказался женатым мужчиной преклонного возраста, да еще и герцогом. И Лафаэль не осмелился подойти.

И сотни человеческих жизней сменил его любимый Шедар, в то время как Альмандиль проживал лишь третью, но ни в одной из них не узнал он своего эльфа. Жестоким наказанием обернулось для обоих проклятие его старшего брата.

И вот сейчас, уже в третий раз перерожденный, Альмандиль снова повстречал своего возлюбленного. Но поздно — Шедар умирал у него на глазах.

Его прекрасный, смуглый и зеленоглазый возлюбленный, его единственная любовь, его недостижимая мечта...

Горько и безутешно плачет Альмандиль, понимая, что даже сейчас Шедар его не сможет узнать. Он молил Иллиору, отвернувшуюся от него за содеянный грех прелюбодеяния, даровать ему хотя бы одну минуту единения с любимым, чтобы он прозрел и сознание его прояснилось, но тщетно. Шедар не помнил своих прежних жизней. Он потерял свою сущность.

И был теперь простым смертным.

И простер руки среброволосый эльф к ярколикой луне, и полилась с его губ печальная, тоскливая песнь, в которую он вложил все свои чувства. Как скучал, как тосковал, как любил, как ждал и умолял, и желал, и жаждал...

И вторил дивному созданию ночной ветер, печально шелестя листвой вековых деревьев и гоняя по озеру мелкие волны. Даже ночные птицы замолкли, заслушавшись песнью безутешного влюбленного.

И с последней печальной нотой несколько слез светлого эльфа упали на воспаленные, чуть приоткрытые губы умирающего. Машинально слизнув сладкую влагу, мужчина открыл наконец глаза и, кажется, впервые увидел эльфа, склонившегося над ним.

— Альмандиль... — прошептал он чуть хрипло. — Неужели я правда тебя вижу?

Эльф всхлипнул, приподнимая его голову, и осторожно скользнул кончиками пальцев по его губам. Не в силах перестать плакать, он все ронял и ронял свои слезы на лицо возлюбленного, да мог лишь кивать.

— Сладкие... — прошептал Шедар, протягивая руку и нежно касаясь его щеки. — Я помню вкус твоих слез, Аль...

Пальцы мужчины зарылись в серебряное сияние его волос, и Альмандиль наклонился к нему, осторожно прижимаясь к губам человека в легком поцелуе.

Его тихий всхлип был заглушен долгим поцелуем Шедара, который все целовал и целовал его, не в силах оторваться, и отстранился лишь тогда, когда ему стало не хватать воздуха. Но и тогда он принялся осыпать поцелуями заплаканное лицо своего эльфа, губами собирая слезинки с его щек.

Шедар чуть поморщился, неудачно пошевелившись и потревожив рану, и Альмандиль тут же встрепенулся, снова укладывая его голову на свои колени.

— Я думал, что потерял тебя... Я пытался залечить рану, но яд... — печально произнес он, все еще неслышно всхлипывая, и снова занес обе ладони над раной человека.

— Твои слезы вывели яд, — хрипло выдохнул Шедар. — Разве ты не помнишь, свет мой серебряный, что нет лучшего противоядия от любого яда, чем слезы настоящей любви светлого эльфа?

Рана действительно затянулась почти сразу же, и больше Альмандиль не чувствовал тех пульсирующих ядовитых нитей, что коконом оплетали сердце его возлюбленного, который был

смертен теперь.

Приподнявшись на траве, Шедар крепко обнял его, и светлый эльф охотно прильнул к нему, не в силах сдерживать слезы. Он беззвучно рыдал, вздрагивая всем телом, и цеплялся за его шею.

— Столько лет, Шедар... Столько лет жил я, тоскуя по тебе... — жалобно всхлипывал он, орошая горькими слезами его шею.

— Не плачь, мой свет, ведь теперь я снова с тобой.

— Но как надолго, родной мой? — печально отозвался Альмандиль. — Ты человек теперь...

— И у человека жизнь достаточно длинна, — тихо ответил ему Шедар. — Ведь даже десять лет для нас великая награда.

Комментарий к части

? **Шедар или Шедир** — звезда альфа в созвездии Кассиопея.

? **Дэмиши** (в перев. с эльф.) — старший брат, в данном случае еще и уважительное обращение.